

Глава четырнадцатая

Линь Цинбай, закончив трапезу, отправился в монастырь помолиться. Он опустился на колени в главном зале и, как только дочитал отрывок из буддийских сутр, из-за задней двери донёлся шум.

До него долетали обрывки фраз, и он отчётливо услышал, как кто-то выкрикивает имя Си Аня.

Линь Цинбай одёрнул полы одеяния и поднялся. Стоявшая неподалёку служанка поспешила к нему, чтобы поддержать.

От долгого стояния на коленях у него слегка закружилась голова. Линь Цинбай, не привыкший к чужой помощи, закрыл глаза, чтобы прийти в себя, а затем мягко отстранил руку служанки и произнёс:

— Пойдёмте, посмотрим, что там случилось.

Задний двор был полон слуг и стражников. Они перешёптывались, оживлённо обсуждая происходящее:

— Посмотрите, какая красавица, правда?

— Ещё бы! Разве стала бы она жертвой похищения, если бы не была так хороша собой?

— Ц-ц, а вам не кажется, что они с нашим молодым господином Си Анем смотрятся просто замечательно?

— И правда! Прямо сцена из легенды: герой спасает красавицу, ха-ха-ха!

Услышав эти речи, Линь Цинбай замедлил шаг. Он остановился перед резными круглыми воротами, ведущими во внутренний двор, и замер, слушая их с бесстрастным выражением лица.

Одна из служанок первой заметила появление Линь Цинбая. Она тут же стёрла с лица улыбку, опустила голову и сильно толкнула локтем подругу, которая продолжала болтать. Та обернулась, увидела Линь Цинбая, вздрогнула от испуга и мгновенно умолкла.

— Ванъе.

Стоило ей произнести это, как все вокруг обернулись, заметив Линь Цинбая, и пересуды тут же прекратились.

Линь Цинбай обвёл собравшихся взглядом и спросил:

— О чём вы здесь судачили?

Слуги не смели отвечать и покорно расступились, освобождая ему проход.

В центре толпы Линь Цинбай увидел, как Си Ань, неся на спине юную девушку, входит в противоположный зал монастыря.

Девушка была хрупкой, с тонкими, словно нарисованными чертами лица. Си Ань наклонился и бережно опустил её на пол, где был расстелен коврик для молитв.

На вид бедняжке было не больше десяти с небольшим лет.

Её шея и руки были покрыты ссадинами и синяками, одета она была в простое бледно-серое платье, а подол на ногах оказался разорван, обнажая кожу, перепачканную в грязи.

Должно быть, она была до смерти напугана: её личико было залито слезами, а пальцы мёртвой хваткой вцепились в запястье Си Аня, словно она держалась за соломинку. Сквозь зарёванные глаза она смотрела на него и без конца повторяла:

— Не уходи...

Си Ань успокаивающе произнёс:

— Ты в безопасности.

Затем он бросил слуге:

— Найдите этой девушке одежду, чтобы укрыться.

Слуга тут же сорвался с места.

Си Ань попытался выпрямиться, но девушка, сжав руку, не отпускала его. Он приподнял бровь, глядя на её ладони, и, погрузившись в какие-то свои мысли, на мгновение замер, не совершая больше никаких движений.

Девушка продолжала крепко держать его за руку, горько рыдая.

Линь Цинбай стоял за порогом, наблюдая за этой сценой. Вскоре он почувствовал, как усиливается холодный ветер, и его руки и ноги, только-только согревшиеся в тепле, вновь начали коченеть.

Видеть это было невыносимо, и, наконец, не выдержав, он позвал:

— Ань-эр.

Си Ань обернулся. Увидев Линь Цинбая, он просиял, но тут же нахмурился.

Он разжал пальцы девушки, широким шагом подошёл к Линь Цинбаю и, не говоря ни слова, снял с плеч свой плащ, накинув его на учителя.

— На улице стужа, к тому же идёт снег, как вы могли выйти в одном тонком халате, учитель? — тихо проворчал Си Ань, завязывая тесёмки плаща.

Снег действительно валил не на шутку. За то время, что Си Ань пробыл снаружи, на его плаще скопилось немало снега, но стоило ему укутать плечи Линь Цинбая, как всё белое покрывало осыпалось.

Плащ хранил остатки тепла тела Си Аня, и Линь Цинбай мгновенно согрелся.

Спрятав тонкие бледные пальцы в широкие рукава халата, Линь Цинбай крепко ухватился за края плаща. Как только одежда Си Аня коснулась его, то неприятное чувство, что терзало его мгновение назад, начало отступать.

Линь Цинбай прямо спросил:

— Чья это девушка?

Упоминание об этом заставило Си Аня просить, как ребёнка. Указав на девушку, он доложил:

— Учитель, это та, кого я спас.

Линь Цинбай проигнорировал взгляд Си Аня, в котором читалось желание получить похвалу, и обратился к Главе Цзян:

— Что здесь произошло?

Глава Цзян стоял в углу. Его выражение лица было далеко не таким беспечным, как у Си Аня; казалось, он только что пережил настоящую битву. Его грудь тяжело вздымалась. Неожиданный вопрос Линь Цинбая заставил его вздрогнуть. Он с дрожью в глазах взглянул на Си Аня, но промолчал.

Си Ань с улыбкой взял слово:

— Учитель, когда мы догнали их в горах, эта девушка как раз отбивалась от бандитов...

Си Ань вкратце рассказал о произошедшем. Глубоко в задней части гор они наткнулись на разбойников, которые пытались надругаться над девушкой. К счастью, они подоспели вовремя и смогли её спасти.

Линь Цинбай с отвращением нахмурился, услышав это, и спросил:

— Где сейчас эти бандиты?

Си Ань, не моргнув глазом, ответил:

— Учитель, эти негодяи совершили тяжкие преступления. Когда мы прибыли, они отчаянно сопротивлялись. У них было оружие, они ранили нескольких наших стражников, поэтому мне и Главе Цзян не оставалось ничего, кроме как расправиться с ними на месте.

— Убили их?

— Да.

— Никого не оставили в живых?

— Да.

Брови Линь Цинбая сошлись на переносице ещё сильнее. Бандиты, несомненно, заслуживали смерти, но Си Ань было всего четырнадцать лет, и в глубине души он всё ещё оставался для него ребёнком.

Он не хотел, чтобы в столь юном возрасте Си Ань познал Ци Злобы, исходящую от убийства людей.

Однако боевые искусства — это не литература.

Всё как при дворе: гражданские чиновники всегда проповедуют мир, милосердие и добродетель. Даже те из них, кто занимает высокие посты, могут перед императором разглагольствовать часами, но за спиной у них не хватит духу даже курицу зарезать.

А военные чиновники, что предстоят перед троном, — кто из них не запятнал руки кровью тысяч людей, кто не шагал по костям поверженных врагов?

Решительность в бою и беспощадность к врагу — вот высшая похвала для военачальника.

Несмотря на ворох слов, вертевшихся на языке, Линь Цинбай лишь беспомощно вздохнул:

— Это священное место буддийского монастыря, будь осторожнее впредь.

Си Ань оказался послушным. Опустив глаза, он ответил:

— Да, учитель. Теперь я и сам понимаю, что поступил опрометчиво и потревожил ваш покой.

Сказав это, Си Ань поднял взгляд на Линь Цинбая и спросил:

— Учитель, вы сердитесь? Но если бы я не убил их, я бы не смог спасти эту девушку.

Линь Цинбай немного помолчал и ответил:

— В критической ситуации такой поступок допустим.

Получив одобрение, Си Ань довольно улыбнулся. Линь Цинбай перевел взгляд на девушку и спросил: Как тебя зовут?

Девушка была действительно хороша собой. В ее глазах, подернутых влажной поволокой, читался испуг, когда она, слегка дрожа губами, ответила: Меня зовут Инь Лю.

Линь Цинбай задал еще несколько вопросов. Из сбивчивых ответов Инь Лю он узнал, что ей семнадцать лет, а ее семья была обычными горными фермерами. Недавно в те края нагрянули разбойники: они убили родителей Инь Лю, отобрали все запасы зерна, а саму девушку чуть не обесчестили. Инь Лю удалось сбежать, но на полпути к подножию горы ее все же поймали. Разбойники, ослепленные похотью, едва не надругались над ней, но, к счастью, в этот момент подоспел Си Ань, перебил злодеев и спас ее.

Рассказывая это, Инь Лю робко подняла глаза на своего спасителя и снова зарыдала, не в силах сдержать рыданий.

Заметив, как Инь Лю смотрит на Си Аня, Линь Цинбай почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось. Он долго молчал.

Си Ань заговорил первым: Учитель, может, сначала устроим ее куда-нибудь, а когда пройдут зимние холода, подыщем ей другое пристанище?

Линь Цинбай повернул голову. Его карие глаза, не мигая, смотрели на Си Аня: А где, по-твоему, ее лучше устроить?

Си Ань не ожидал, что Линь Цинбай спросит его мнение. Он нахмурился, серьезно задумался, решив, что учитель, будучи человеком милосердным, наверняка захочет пристроить девушку в хорошее место, и неуверенно предложил: Может... в нашей Резиденции вана?

Зрачки Линь Цинбая мгновенно потемнели. Си Ань, обладавший пронизательным взглядом, тут же уловил перемену в настроении учителя, вскинул брови и поспешно поправился: Но, хорошенько подумав, я считаю, что в храме ей будет даже лучше, или можно найти добрую семью, которая возьмет ее к себе. Впрочем, решение за вами, учитель, я не смею настаивать.

Линь Цинбай холодно взглянул на него, молча высвободил руку из захвата Си Аня и, полностью проигнорировав его озадаченный взгляд, отвернулся к девушке, раздумывая, как

лучше поступить.

На самом деле, он сам подумывал о том, чтобы взять ее в Резиденцию служанкой, и Си Ань, по сути, угадал его мысли. Однако это осознание не принесло Линь Цинбаю никакой радости.

Инь Лю переводила взгляд с Линь Цинбая на Си Аня и обратно, пока, наконец, не остановилась на Линь Цинбае. Она выпрямилась, подползла к его ногам и, дрожа всем телом, принялась кланяться: Господин, у меня совсем не осталось родных. У разбойников еще много сообщников, они обязательно попытаются меня найти. Умоляю, позвольте мне остаться с вами.

Умоляю, позвольте мне остаться.

Линь Цинбай посмотрел на хрупкую фигурку девушки. Спустя долгое время он все же смягчился и с тяжелым вздохом произнес: Несчастливая душа. Что ж, заберем ее в Резиденцию в качестве служанки. Кхе-кхе-кхе...

Как только слова сорвались с его губ, Линь Цинбай прикрыл лицо рукой и зашелся в кашле. Погода стояла холодная, он слишком долго простоял на морозе, наглотался ледяного воздуха, и его слабое, никчемное тело тут же отозвалось недугом.

Си Ань среагировал мгновенно. Он развернулся, встал перед Линь Цинбаем, заслоняя его от ветра, и принялся поправлять на нем меховой плащ: На улице слишком холодно, учитель, вам нездоровится. Позвольте мне проводить вас в покои.

Линь Цинбай бросил на него равнодушный взгляд, мягко высвободился из рук Си Аня и, обойдя его, пошел вперед своей дорогой. Си Ань замер с поднятыми руками, совершенно не понимая, в чем дело. Он остался стоять на месте, пытаясь осмыслить произошедшее, но чем больше размышлял, тем сильнее убеждался, что всё сделал безупречно и никакой ошибки быть не могло. Тогда он в два шага догнал учителя и спросил:

— Учитель, что с вами?

— Ничего.

— Тогда почему вы не даете мне к вам прикоснуться?

В голосе Си Аня слышалась обида. Линь Цинбай медленно остановился.

Что с ним?

Да ничего особенного. Просто сегодня Си Ань спас красивую девушку, всю дорогу нес её на спине и даже предложил оставить её в Резиденции вана.

Всё чудесно. Всё сделано как нельзя лучше.

Как и говорили слуги: широкая душа, благородный поступок, герой спас красавицу — истинное торжество добродетели.

Только вот Линь Цинбай почему-то чувствовал досадное смятение, особенно вспоминая, как Си Ань принес Инь Лю на спине и как бережно с ней обращался.

Линь Цинбай не мог понять, почему его охватило подобное состояние. Он поднял взгляд на Си Аня. Его маленький ученик смотрел на него с сияющими глазами, в глубине которых читалась бесконечная нежность.

Линь Цинбай прекрасно понимал, что характер у Си Аня далеко не ангельский, и лишь с ним одним он проявлял такую терпимость и уступчивость. Так было уже много лет.

Он привык к тому, что Си Ань заботлив только по отношению к нему, и эгоистично не хотел, чтобы тот проявлял подобное тепло к кому-то другому. Си Ань был словно нефритовый кулон, который он долгие годы носил на груди: изначально холодный, но согретый его собственным теплом до обжигающего состояния, вечно оберегающий его. Даже понимая, что этот кулон, возможно, мог бы согреться в руках другого человека и точно так же защищать кого-то еще, Линь Цинбай упрямо не желал ни с кем его делить.

Размышляя об этом, он против воли поймал себя на мысли, что вовсе не хочет признавать подобную истину.

На протяжении многих тысяч лет он всегда отличался холодным нравом, был чужд сильным чувств, любви или ненависти, и никогда раньше не вел себя настолько мелко. Си Ань не сводил с него своих темных глаз, словно пытаясь разгадать некую тайну, скрытую на лице Линь Цинбая. Линь Цинбай смущенно отвернулся и произнес:

— От тебя слишком сильно пахнет кровью. Иди, искупайся.

Си Ань тут же опустил голову, пригнувшись к себе, и нахмурился. Действительно, запах крови был резким — неудивительно, что учитель не хочет приближаться к нему. Поняв, что Линь Цинбай не злится, Си Ань облегченно выдохнул и с улыбкой ответил:

— Понял, учитель. Как только вернусь, сразу же искупаюсь.

Сказав это, Си Ань по привычке хотел было сунуться к Линь Цинбаю, но вдруг вспомнил его слова. Боясь, что запах от него может потревожить учителя, он остановился и лишь пошел следом, легко ступая по снегу.

В этот момент слуга подошел к ним и помог Инь Лю подняться с земли. Слабое тело девушки дрожало, ноги подкашивались. Она слегка коснулась пальцами саднивших ран, однако взгляд ее, обернувшись, оставался прикован к двум удаляющимся фигурам.

Среди ветра и снега полы длинного плаща старшего развевались на ветру. Он казался чистым и холодным, как сам снег, а его фигура выглядела настолько хрупкой, что, казалось, ее может унести порывом ветра в любой момент. Юноша же следовал за ним по пятам, оберегая его каждым своим шагом.

Они неспешно приближались к храму, чьи массивные ворота были плотно закрыты. Это место отличалось уединенностью и торжественным спокойствием: лишь изредка доносился глухой гул старинного колокола, разительно контрастирующий с шумным и многолюдным передним двором храма. Сразу было понятно, что войти сюда и совершить подношение могут лишь люди самого высокого положения.

— Госпожа Инь Лю, прошу за мной, — позвал слуга.

Инь Лю потупила взгляд и, последовав за провожатым, свернула на извилистую тропинку, уходящую вглубь монастырских садов.

<http://bllate.org/book/22078/2295874>